

Оригинальная статья
УДК 81'38; 81'42
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-5-117-128>

Функции интертекстуальных включений в современном публицистическом дискурсе

Марина Николаевна Николаева^{1✉}, Ольга Владимировна Трунова²

¹Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

²Российский университет транспорта, Москва, Россия

^{1✉}nikolaevam@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0152-1647>

²lachesis47@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-9999-7960>

Введение. Исследование посвящено феномену интертекстуальности, исследуемому на материале статей американских общественно-политических журналов. Цель исследования состоит в выявлении типов и приемов интертекстуальных включений, способствующих формированию глубины целостного смыслового наполнения текстов публицистического дискурса. Актуальность и научная новизна работы обусловлены необходимостью изучения функций интертекстуальных включений в нехудожественном дискурсе. Ведущими функциями языковых и неязыковых экспликаций в этом случае считаются коммуникативная, аксиологическая и прагматическая.

Методология и источники. Методом сплошной выборки были отобраны фрагменты публицистических текстов, эксплицирующие интертекстуальность. Выявлению источников интертекстуальных включений способствовало обращение к толковым и лингвокультурным словарям, интернет-ресурсам. Анализ интертекстуальных включений и установление их функций осуществлялись с учетом жанрово-стилистической принадлежности текстов, непосредственного языкового и социокультурного контекстов.

Результаты и обсуждение. Интертекстуальные включения в публицистическом дискурсе подразумевают существование ассоциативных связей между текстом-источником и текстом-реципиентом. Определение этих связей способствует расширению смысла сообщаемой информации и более полному ее восприятию. Источниками интертекстуальных включений в американском публицистическом дискурсе являются как мировые общекультурные ресурсы – древнегреческие мифы, Библия, классическая английская литература, так и национальные – тексты речей президентов США.

Заключение. Главное предназначение инкорпорирования элементов текста-источника в публицистический текст-реципиент заключается в осуществлении информативной, манипулятивной, аксиологической, прогностической и других функций. Степень воздействия сообщаемой информации зависит от когнитивной базы адресата, его общекультурной компетентности и способности устанавливать ассоциативные связи между сообщаемым и подразумеваемым. В силу своей эмоциональной тональности интертекстуальные включения являются аттрактором, организующим смысловую структуру текста. Они позволяют рассматривать публицистический текст как единую смысловую и коммуникативно-прагматическую целостность.

© Николаева М. Н., Трунова О. В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: интертекстуальные включения, публицистический дискурс, функции, цитата, текстовая аппликация, аллюзия, прагматическое воздействие

Для цитирования: Николаева М. Н., Трунова О. В. Функции интертекстуальных включений в современном публицистическом дискурсе // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 5. С. 117–128. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-117-128.

Original paper

Functions of Intertextual Inclusions in Contemporary Publicist Discourse

Marina N. Nikolaeva^{1✉}, *Olga V. Trunova*²

¹*Moscow City University, Moscow, Russia*

²*Russian University of Transport, Moscow, Russia*

^{1✉}*nikolaevam@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0152-1647>*

²*lachesis47@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-9999-7960>*

Introduction. This research paper focuses on the phenomenon of intertextuality which is studied on the basis of the articles of American socio-political magazines. The aim of the study is to identify the types and techniques of intertextual inclusions, which contribute to the formation of the depth of the integral semantic content of the texts of publicist discourse. The relevance and scientific novelty of the work stem from the need to study the functions of intertextual inclusions in non-fiction discourse. In this case communicative, axiological and pragmatic functions are considered to be the leading ones in linguistic and non-linguistic expressions.

Methodology and sources. Fragments of journalistic texts expressing intertextuality were selected by means of sampling. The sources of intertextual inclusions were revealed with the help of explanatory and linguacultural dictionaries and internet-resources. The analysis of intertextual inclusions and definition of their functions were carried out taking into account the genre and stylistic typology of the texts, the direct linguistic and socio-cultural context.

Results and discussion. Intertextual inclusions in publicist discourse imply the existence of associative links between the source text and the recipient text. The identification of these links helps to extend the meaning of the information shared and to make it more comprehensible. The sources of intertextual inclusions in the American publicist discourse are both those of the world culture – Ancient Greek myths, the Bible, classical English literature and national – texts of the US presidents' speeches.

Conclusion. The main purpose of incorporating source text elements into a recipient journalistic text is to fulfil informative, manipulative, axiological, predictive, and other functions. The degree of influence of the conveyed information depends on the cognitive base of the addressees, their general cultural competence and their ability to establish associative links between the reported and the implied. Due to their emotional tone, intertextual inclusions are an attractor that organize the text's semantic structure. They let us consider a journalistic text as a unified semantic and communicative-pragmatic integrity.

Keywords: intertextual inclusions, publicist discourse, functions, citation, textual application, allusion, pragmatic effect

For citation: Nikolaeva, M.N. and Trunova, O.V. (2023), "Functions of Intertextual Inclusions in Contemporary Publicist Discourse", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 5, pp. 117–128. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-117-128 (Russia).

Введение. Обладая коммуникативно-прагматической направленностью, тексты публицистического дискурса выступают основными партнерами в диалоге с аудиторией по самым разным жизненным вопросам, они информируют, просвещают, но одновременно оказывают воздействие на адресата диалога. Это воздействие осуществляется с помощью различных выразительных средств и стилистических приемов, таких как повторы, парцелляция, интертекстуальные включения. Адресант для раскрытия содержания текста статьи, выражения собственного мнения, создания эффекта единственно правильной интерпретации рассматриваемой темы апеллирует через разные приемы интертекста к информации, представленной в других источниках. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения потенциала воздействия интертекстуальных включений, реализуемого в публицистическом дискурсе.

Цель исследования состоит в выявлении интертекстуальных включений в публицистическом тексте, установлении их ассоциативных связей с текстом-источником, способствующих формированию глубины целостного смыслового наполнения текстов в публицистическом дискурсе. Научная новизна исследования заключается в определении функций и роли интертекстуальных включений в осуществлении прагматического воздействия на адресата в современном американском публицистическом дискурсе.

Для достижения цели исследования были поставлены задачи:

- уточнение парадигмального статуса феномена интертекстуальности;
- выявление источников интертекстуальности в публицистическом тексте;
- установление форм экспликации интертекстуальности в журнальных статьях общественно-политической направленности;
- определение функций и роли интертекстуальных включений в контексте принимающего текста.

Методология и источники. Цель и задачи потребовали обращения к таким методам исследования, как метод сплошной выборки, контекстологический метод, лингвистический анализ.

Дискуссии о понятии интертекстуальности, природе, типах и функциональной значимости интертекстуальных связей продолжаются с момента введения этого понятия в аппарат лингвистических исследований Ю. Кристевой. Это объясняется сложностью явления, его широким аппликативным потенциалом и необходимостью решения новых вопросов, возникающих по мере развития теории. В разных областях научного исследования это относительно новое для методологии анализа явление получает разные интерпретации. В литературоведении интертекстуальность понимается как «литературная категория» [1, с. 67], литературный прием и основная стратегия текстопорождения в постмодернизме [2]. В дискуртологии интертекстуальность характеризуется как «один из факторов организации структуры дискурса» [3, с. 5]. В лингвокультурологии при сравнении интертекстуальности и прецедентности авторы отмечают их смысловую близость, так как «в случае рассмотрения их в культурном пространстве <...> по сути отражают включенность одного текста в другой» [4, с. 92].

В отечественных исследованиях по лингвистике текста интертекстуальность рассматривается как категория, имеющая типизированный и универсальный характер, и как «один

из способов выстраивания смысла в тексте» [5]. В зарубежной лингвистике интертекстуальность понимается как «an identifiable stylistic device consciously employed by the author <...> to invite a particular audience response» [6, p. 430] и как текстовая стратегия, при следовании которой «texts will borrow from other texts freely» [7, p. 151].

Опираясь на фундаментальные исследования профессора И. В. Арнольд, определим интертекстуальность как текстовую категорию, предполагающую наличие смысловой корреляции между двумя или более текстами, реализуемую «посредством включения в текст целых других текстов с иным субъектом речи или их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий и реминисценций» [8, с. 346], содержащую «тот аспект общей целостности и содержания текста, который указывает на зависимость его создания от знания других текстов» [1, с. 67] с целью передачи определенного содержания и оказания воздействия на адресата.

Об интертекстуальности можно также говорить применительно к внелитературному дискурсу (лингвистика, публицистика, кино, архитектура и др.). Вслед за Т. Н. Ефименко мы рассматриваем дискурс «как некое пространство, в котором конструируется знание о мире, знание о действительности, обусловленное коммуникативной ситуацией, участниками общения и коммуникативной целью» [9, с. 322]. В данном исследовании интертекстуальность анализируется во внелитературной сфере, на частном примере современного американского публицистического дискурса. Цель предпринимаемого анализа состоит в выявлении типов и приемов интертекстуальных включений, способствующих формированию глубины целостного смыслового наполнения текстов этого жанра. Ведущими функциями языковых и неязыковых экспликаций в этом случае считаются коммуникативная, аксиологическая и прагматическая. Их непосредственная реализация предполагает создание определенного информационного поля, сила интеллектуального и эмоционального воздействия которого на адресата должна быть достаточной, чтобы обеспечить направление требуемого интерпретационного резонанса в заданном векторе.

В следовании важным принципам смысловой организации текстов СМИ адресант стремится ориентироваться на когнитивную базу массового читателя и на прецедентные тексты [10, с. 23], при этом допускается, что «любой текстовый смысл оказывается незамкнутым и открытым для потенциального взаимодействия адресанта и воспринимающего субъекта» [5, с. 40].

Считается, что функционально близким понятию интертекстуальности является неоднозначно трактуемое понятие «чужой речи». «В широком смысле чужая речь отождествляется с цитированием вообще и включает прямую, косвенную и несобственно-прямую речь» [11, с. 63], текстовую аппликацию и аллюзию. В узком смысле к чужой речи относят конкретную цитату. Считаем необходимым отметить, что названные интертекстуальные включения имеют некоторые различия. В частности, текстовая аппликация в отличие от цитаты представляет собой ассоциативную отсылку к тексту-источнику без упоминания ссылочной части на этот текст, в то же самое время аллюзия воспринимается как ассоциативная отсылка к известному для адресата факту реальной или виртуальной действительности [12].

Результаты и обсуждение. Анализ языкового материала текстов американской газетно-журнальной публицистики показывает, что текст-реципиент может содержать прак-

тически любые виды интертекстуальных включений: цитату, текстовую аппликацию, цитатное заглавие, аллюзию и реминисценцию и др. Их функциональная нагрузка полностью соответствует характеру и предназначению, прежде всего это функции информационная, оценочная и функция манипуляционного воздействия.

Иллюстрируя сказанное, рассмотрим пример: «*September 11, 2001 is another 'date that will live in infamy' – the U.S. suffered war casualties on its own soil not experienced for a long time*» [13]. В данном случае интертекстуальное включение представлено текстовой аппликацией *date that will live in infamy* («день, омраченный позором»). Данная текстовая аппликация является отсылкой к речи президента США Ф. Д. Рузвельта, которую он произнес после бомбардировки японскими летчиками тихоокеанской военно-морской базы США Перл-Харбор в декабре 1941 г. В результате бомбардировки погибло несколько тысяч моряков, солдат и гражданских лиц.

В плане организации темпорального контекста данная текстовая аппликация выполняет ретроспективную функцию, отсылая читателя к событию более чем полувековой давности – бомбардировке Перл-Харбор 7 декабря 1941 г., тем самым выстраивая ассоциативный ряд, связывая события, имевшие место в прошлом, с событиями описываемого момента: атака на здания башен-близнецов Всемирного торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., и создавая основание для оценочного суждения. Безусловно, здесь имплицитно отрицательная аксиологическая оценка, поскольку гибель людей не может восприниматься адекватным социумом в ином оценочном ракурсе. Таким образом, в данном случае текстовая аппликация выполняет аксиологическую функцию.

Следует также отметить, что оценочный вектор в данном контексте характеризуется двунаправленностью, поскольку, с одной стороны, проводится параллель и дается негативная оценка действиям, осуществленным японскими милитаристами в 1941 г., и деяниям террористов-исламистов в 2001 г., а с другой, оцениваются действия американских силовых структур, не обеспечивших достаточный уровень защиты на одной из самых крупных военных баз Перл-Харбор в 1941 г. и в Нью-Йорке в 2001 г. В обоих случаях имидж силы и мощи государства пошатнулся. Проведение исторической аналогии опосредовано использованием текстовой аппликации. Помимо сказанного, этот прием способствует оказанию эмоционального воздействия на адресата-читателя и, соответственно, формированию отрицательной оценки и терроризма, и военной агрессии.

Рекуррентным приемом интертекстуального включения в публицистическом тексте является цитата, как точная (полная), так и неточная (неполная). Приведем следующий пример: «*Like I think Kennedy once said, 'Forgive what they said, but don't forget their names', Materazzi said in a variation of the John F. Kennedy quote, 'Forgive your enemies, but never forget their names'»* [14]. В данном случае одновременно используются обе разновидности цитат, приписываемых президенту США Дж. Ф. Кеннеди. Для понимания содержания неточной цитаты, произносимой М. Матерацци *'Forgive what they said, but don't forget their names'* («Прости их и забудь то, что они сказали, но никогда не забывай их имена»), требуется знание контекста референтной ситуации, связанной с финальным матчем чемпионата мира по футболу в 2006 г. В конце матча произошел инцидент между капитаном французской футбольной команды З. Зиданом и итальянским футболистом М. Матерацци. В ответ на

оскорбления со стороны итальянца Зидан нанес ему удар головой в грудь. За этот поступок судья удалил Зидана с игрового поля, в результате французская команда осталась в меньшинстве, без поддержки капитана. Итальянцы выиграли матч по пенальти и стали чемпионами.

Смысл описываемой неточной цитаты амбивалентен: с одной стороны, она обращена к Зидану с импликацией необходимости извиниться перед Матерацци, а с другой, это сожаление итальянца об оскорблении, нанесенном им французскому капитану в финальном матче чемпионата. Мотивирующим фактором для извинения со стороны Матерацци могло быть его желание «находиться в мире с самим собой» и избавиться от репутации «плохого парня». Такой импликации смысла цитаты способствуют заголовок анализируемой статьи «Italy's Materazzi still seeking respect» и год ее публикации – 2008. Они показывают, что после инцидента прошло два года, но никто из участников конфликта не принес извинений.

Интертекстуальное включение в виде неточной цитаты в анализируемом фрагменте текста побуждает адресата решить дилемму «кто был прав в той ситуации?» и дать самостоятельную оценку инциденту, учитывая возможность его двойственной интерпретации: как провокацию Матерацци в отношении Зидана, позволившую Италии стать чемпионом, или как благородный поступок ответившего на оскорбление Зидана, приведший, однако, команду Франции к поражению. Точная цитата Кеннеди «*Forgive your enemies, but never forget their names*» («Прости своих врагов, но никогда не забывай их имена») является прецедентным текстом. Ее употребление в данном тексте способствует приращению смысла неполной цитаты, высказанной Матерацци, позволяет аккумулировать информацию, сформировать ее оценку и оказать воздействие на адресата.

Интертекстуальными включениями в статьях американских общественно-политических журналов могут выступать литературные цитаты, заимствованные из произведений англоязычных писателей, чаще всего классиков английской литературы. Однако функции их применения отличаются от тех, которые они демонстрируют в литературно-художественном дискурсе; в публицистическом дискурсе они полностью согласуются с общими целями публицистики: сообщение информации и оказание прагматического воздействия.

В статье «Global warming» (2008) в контексте «*If we hold Shakespeare to his words that, 'Brevity is the soul of wit,' then Kerry Emanuel's "What We Know About Climate Change" has got to be the wittiest work on global warming to date*» [15] используется цитата из трагедии У. Шекспира «Гамлет» «*Brevity is the soul of wit*». В журнальной статье данная цитата способствует созданию иронического эффекта и опосредованно передает оценочный смысл, определяя характер оценки ее левосторонним позиционированием в рамках оценочной шкалы, формируемой абсолютными оценочными предикатами «хорошо – плохо». Подобным образом создается предпосылка формирования недостаточно высокой оценки книги о глобальном потеплении, написанной К. Эмануэль. В качестве аргументации собственной точки зрения автор публикации приводит (возможно, не самый сильный аргумент) малый листаж книги. Литературная цитата в тексте данной статьи помимо выполнения аксиологической функции актуализирует прагматическую функцию, создавая своего рода рекламу (или, скорее, антирекламу), способную пробудить интерес любопытного читателя к указанной книге.

Наибольшую силу воздействия на адресата имеет цитата, вынесенная в заголовок публикации. Прежде всего, находясь в «сильной позиции» (по определению И. В. Арнольд), цитата выполняет функцию аттрактора, является «ловушкой», поскольку глаз схватывает ее сразу, тем более если в качестве источника цитирования выбирается хорошо известное классическое произведение, как в следующем примере, где в заголовок вынесено название широко известной пьесы У. Шекспира «All's Well That Ends Well» [16]. Второй важной функцией литературной аллюзии в приводимом примере является прогностическая (*foreshadowing*), которая задает общий тон тексту публикации и создает определенные предпосылки для восприятия текста. В данном случае для понимания ситуации особенно важно, чтобы читатель был достаточно грамотным, поскольку вырванное из контекста пьесы и приобретенное статус паремии выражение практически всегда в бытовом дискурсе трактуется как имеющее позитивный смысл. Однако если вспомнить фабулу, это совсем не так, поскольку в конце пьесы возникает вопрос, суждено ли дочери бедного лекаря Елене и Бертраму, потомку графского рода, быть счастливыми в браке: уж слишком очевиден мезальянс и слишком безнравственны интриги. Шекспир был совсем не прост.

Таким образом, уже прочитав заголовок, можно предположить и то, что в профессиональной карьере актера Томаса Никола Уильямсона, которому посвящена статья, было достаточно сложных проблем, закулисных интриг и превратностей судьбы. И это действительно так: спустя какое-то время после удачного старта в карьере артиста наметился кризис, пришлось оставить актерскую профессию и заняться бизнесом, но мечта вернуться в театр не покидала его. По прошествии нескольких лет ему предложили сыграть главную роль в шекспировской пьесе «All's Well That Ends Well». Аллюзия автора статьи оказывается многозначной. Он, как представляется, намеренно выстраивает сложную сеть ассоциаций. Для блестящего актера, которого Джон Осборн называл лучшим после Марлона Брандо, вряд ли можно было считать работу в антрепризе достойным продолжением карьеры. В достижении цели ему пришлось преодолеть много интриг. Правда, в его истории действительно было удачное продолжение карьеры.

В рассматриваемом случае вынесенная в заглавие цитата выполняет также функцию обеспечения смысловой целостности текста (когерентности), составляя своего рода платформу, на которой разворачиваются описываемые события, одновременно имплицитно и не слишком позитивное начало, и вполне приемлемое завершение.

Наконец, четвертая функция аллюзии на комедию У. Шекспира – это функция аксиологической оценки. Изначально имплицитно представляются и характер событий, и их последовательность, и благополучный исход. Следует также отметить, что целостное восприятие статьи позволяет понять и объяснить феномен семантического обогащения смысла ее заглавия, осуществление которого обусловлено прежде всего переносом утверждения в другой контекст актуализации, отличающийся от исходного по жанру, стилю, целевому предназначению, эпохе и культуре описываемых событий и собственно авторскому замыслу. Прагматическая функция отсылки читателя к прецедентному тексту в данном случае заключается, по-видимому, в стремлении убедить адресата в том, что не следует терять веру в себя, свои возможности, свой талант, свою способность найти выход из сложной ситуации в любом случае, даже при неблагоприятных исходных условиях.

Понимание и истолкование фактора интертекстуальности осуществляется «включением» ассоциативного мышления как процесса сознания (или осознания), проявляющегося в воспоминании или припоминании. Этот механизм составляет основу приема реминисценции. В случае реминисценции важным представляется общий контекст некоторого утверждения, поскольку отдельное высказывание может ввести интерпретатора в заблуждение, как, например, в следующем примере: «*Yet Renaissance is as famous for its secrecy as for its success*» («Silent Partners», журнал Time, 2016) (особенно и скорее всего, это касается русскоязычного читателя), поскольку первая вызываемая ассоциация – это известное направление в мировом искусстве.

Подлинный смысл реминисценции в тексте выявляется в контексте статьи, посвященной описанию хедж-фонда Renaissance Technologies. Этому способствует в том числе и отсылка к сюжету бестселлера «The Firm» (1991) американского писателя Дж. Гришэма, рассчитанная на установление ассоциации с фирмой, о которой в нем идет речь. Финансовая деятельность обеих фирм, реальной в тексте статьи и вымышленной в триллере, окутана завесой секретности. Триггером интерпретации смысла реминисценции служит упоминание в публикации библионима, названия художественного произведения, и его автора, а также описание деятельности обеих фирм в сравнении: «...*Yet Renaissance is as famous for its secrecy as for its success. It's been compared to "the Firm" of John Grisham's novel, a secluded and lucrative operation that imposes nondisclosure and noncompete clauses on employees to preserve the mystique of its algorithms. The firm shuns Wall Street traders, instead recruiting pure quants like math and physics Ph.Ds.*» [17, p. 30]. В данном случае американскому читателю не пришлось разьяснять смысл реминисценции, поскольку параллель выстраивалась с хорошо известным сюжетом романа, в котором описываются махинации с отмыванием денег криминальными структурами в офшорных фирмах на Каймановых островах, до сих пор являющихся тем, что Дж. Гришэм назвал «international tax havens». Здесь очевидна отрицательная оценка методов работы инвестиционного фонда «Ренессанс Технологии», который – отметим кстати – благополучно функционирует до настоящего времени.

Использование в публицистическом тексте аллюзий к текстам художественного дискурса является рекуррентным, поскольку апеллирует к базовым знаниям читающей аудитории. Так, в статье «Uncle Sam: Jekyll or Hyde» (журнал Newsweek, 2005) интертекстуальным включением является литературная аллюзия, отсылающая к произведению шотландского писателя Р. Л. Стивенсона «Strange Case of Dr Jekyll and Mr Hyde» (1886): «*I think that the Bush administration has a Jekyll-and-Hyde problem – a contradictory attitude toward the war on terror*» [18]. Герой новеллы Стивенсона доктор Джекил установил факт одновременного существования в сознании человека двух противоположностей. Злодей мистер Хайд – это тот же самый Джекил, уважаемый в обществе доктор. В ходе своих экспериментов доктор Джекил теряет контроль над процессом раздвоения личности и окончательно превращается в Хайда. Эта печальная трансформация приводит доктора в отчаяние и впоследствии к гибели. Ономастическая аллюзия *Jekyll-and-Hyde* приобрела статус прецедентного феномена в англоязычной культуре и сегодня обозначает как человека, в котором сочетаются два противоречивых начала (хорошее и плохое), так и спорную ситуацию.

В тексте статьи аллюзия соотносит значение описываемой реальной ситуации со значением устойчивого выражения, активизируя ассоциативные связи реальной ситуации с той, которая составляет содержание когнитивной базы массового адресата, извлекаемое из новеллы Стивенсона. Ономастическая аллюзия в силу собственной отрицательной коннотации способствует формированию отрицательной оценки описываемой ситуации – двусмысленное отношение администрации Буша к войне в Ираке. Сложившееся положение оценивается как сложная и противоречивая проблема, а *Jekyll-and-Hyde problem*.

Интертекстуальное включение в виде мифологической аллюзии *Sisyphean effort* встречается в статье «Why we're addicted to email – and how to fix it», где говорится о возникшей психологической зависимости пользователей от различных мессенджеров, в частности, электронной почты: «*But striving for inbox zero is, of course, a Sisyphean effort at best. Just when you think the task is complete – ping! – a new message rolls in. What can we do about it? With email – as with everything else in life – we must learn to say no to some opportunities, in order to say yes to our priorities*» [19]. Используя здесь аллюзию *Sisyphean effort* (бесконечные, напрасные усилия), журналист подчеркивает тщетность попыток справиться с потоком входящей, в большинстве случаев малоинформативной, несрочной, бессистемной, часто случайной рассылки, предостерегая от бесцельной траты времени, которого становится катастрофически мало. Смысл используемой аллюзии состоит в указании на внутреннее противоречие информационных технологий, целью внедрения которых должна быть экономия времени на поиск, получение и осмысление информации, однако их применение приводит к прямо противоположному эффекту. Более того, они способствуют возникновению нового типа психологической зависимости. Конкретной информации в тексте статьи соположена информация оценочного плана. Агрессивное наступление интернет-технологий рассматривается как барьер на пути выстраивания приоритетных линий, тем самым, как ни парадоксально это звучит, замедляющий дальнейший прогресс (это уже импликации аллюзии). Пристрастие к проверке электронной почты делает стремление привести этот процесс к разумному балансу таким же безрезультативным, как и труд царя Сизифа. Это можно интерпретировать как предупреждение человечеству.

Заключение. Подводя итог сказанному, отметим следующие моменты. Интертекстуальность как феномен отсылки к прецедентным событиям и текстам есть явление универсальное, а потому так же характерное для публицистики, как и для любого иного вида коммуникативных практик. В англоязычном публицистическом дискурсе используются все существующие формы иносказания. Функциональное предназначение инкорпорирования элементов текста-источника в текст-реципиент заключается в расширении смыслового пространства (информационная функция) и усилении аргументации декларируемых положений с целью воздействия на реципиента (манипулятивная функция). Используемые в публицистическом тексте интертекстуальные отсылки к источникам разных жанров способствуют более глубокому пониманию текста и подтекста сообщения.

Одной из наиболее значимых функций инкорпорирования «чужой речи» или отсылки к ней является экспликация или импликация оценки (аксиологическая функция) как характерной черты публицистики, предопределяющей характер возможной ответной реакции целевой аудитории (прогностическая функция). При этом степень воздействия сообщаемой

информации зависит от когнитивной базы адресата, его общекультурной компетентности и способности устанавливать ассоциативные связи между сообщаемым и подразумеваемым.

В силу своей эмоциональной тональности интертекстуальные включения, как правило, являются аттрактором, организующим смысловую структуру текста (текстоорганизующая функция когерентности). Они позволяют рассматривать публицистический текст как единую смысловую и коммуникативно-прагматическую целостность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вишнякова О. Д., Карасев И. В. Виды интертекстуальных включений и их функции в художественных текстах // Исследовательский потенциал молодых ученых: взгляд в будущее: XIV Региональная науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов и магистрантов. Тула, 20 февр. – 24 марта 2018 г. / ТГПУ им. Л. Н. Толстого. Тула, 2018. С. 64–69.
2. Смирнова А. И. Интертекстуальность художественного дискурса как реализация культурно-интеграционных процессов // Вестн. МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2018. № 4 (32). С. 8–15. DOI: 10.25688/2076-913X.2018.32.4.01.
3. Идилова И. С. Интертекстуальность как один из факторов организации структуры дискурса // Иностранные языки в высшей школе. 2012. № 3 (22). С. 5–9.
4. Чупрына О. Г. Прецедентность и интертекстуальность как дискурсивные явления // Парадигма гуманитарных знаний начала XXI века: сб. науч. трудов / МГПУ. М., 2020. С. 91–96.
5. Сескутова И. К. Текст, текстообразование, интертекстуальность (на материале англоязычной публицистики) // Вестн. МГЛУ. 2011. № 17 (623). С. 27–40.
6. Ott B., Walter C. Intertextuality: Interpretive Practice and Textual Strategy // Critical Studies in Media Communication. 2000. Vol. 17, iss. 4. P. 429–446. DOI: <https://doi.org/10.1080/15295030009388412>.
7. Brummett B. Rhetoric in Popular Culture. NY: St. Martin's Press, 1994.
8. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность, 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2010.
9. Ефименко Т. Н. Реализация функции воздействия в общественно-политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 12. С. 321–325. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.65>.
10. Николаева М. Н. Интертекстуальность как реальность языка и культуры // Пространство языка: лингвистические и методические реальности. Владимир: ВлГУ, 2011. С. 22–27.
11. Кулешова А. В. Цитация как ключевой элемент «чужого слова» во французской прессе // Вестн. МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2014. № 4 (16). С. 62–68.
12. Москвин В. П. Интертекстуальность: понятийный аппарат, фигуры, жанры, стили. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2011.
13. Safire W. New day of infamy // Newsweek. 2001. Sept. 12. P. 15.
14. Dampf A. Italy's Materazzi still seeking respect // USA TODAY. 2008. June 6. P. 15.
15. Swanson B. Global warming // USA TODAY. 2008. Feb. 26. P. 25.
16. Mcguigan C. All's Well That Ends Well // Newsweek. 1991. May 20. P. 4.
17. Altman A. Silent Partners // Time. 2016. Oct. 10. P. 29–32.
18. Zakaria F. Uncle Sam: Jekyll or Hyde // Newsweek. 2005. June 6. P. 19.
19. Gleij J. K. Why we're addicted to email – and how to fix it // Time. 2016. Oct. 10. P. 17.

Информация об авторах.

Николаева Марина Николаевна – кандидат филологических наук (1995), доцент (2001), доцент кафедры английской филологии Московского городского педагогического

университета, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, Москва, 129226, Россия. Автор 175 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвостилистика, медиалингвистика, когнитивная лингвистика, английская и сопоставительная фразеология.

Трунова Ольга Владимировна – доктор филологических наук (1995), профессор (1997), профессор кафедры русского и иностранных языков Российского университета транспорта, ул. Образцова, 9/9, Москва, 127994, Россия. Автор 150 научных публикаций. Сфера научных интересов: системная и функциональная лингвистика, модусы передачи информации в разных типах дискурса (художественный, научный, политический, публицистический).

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 06.03.2023; принята после рецензирования 07.04.2023; опубликована онлайн 20.11.2023.

REFERENCES

1. Vishnyakova, O.D. and Karasev, I.V. (2018), "Types of intertextual inclusions and their functions in literary texts", *Issledovatel'skii potentsial molodykh uchenykh: vzglyad v budushchee* [Research potential of young scientists: a look into the future], Tula, RUS, Feb 20 – March 24, 2018, pp. 64–69.
2. Smirnova, A.I. (2018), "Intertextuality of fiction discourse as realization of cultural-integration processes", *MCU J. of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, no. 4 (32), pp. 8–15. DOI: 10.25688/2076-913X.2018.32.4.01.
3. Idilova, I.S. (2012), "Intertextuality as a factor affecting the structure of discourse", *Inostrannye yazyki v vysshei shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education], no. 3 (22), pp. 5–9.
4. Chupryna, O.G. (2020), "Precedent and intertextuality as discursive phenomena", *Paradigma gumanitarnykh znaniy nachala XXI veka* [The paradigm of humanitarian knowledge of the beginning of the 21st century], Moscow, RUS, pp. 91–96.
5. Seskutova, I.K. (2011), "Text, text formation, intertextuality (by examining English publicist texts)", *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, no. 17 (623), pp. 27–40.
6. Ott, B. and Walter, C. (2000), "Intertextuality: Interpretive Practice and Textual Strategy", *Critical Studies in Media Communication*, vol. 17, iss. 4, pp. 429–446. DOI: <https://doi.org/10.1080/15295030009388412>.
7. Brummett, B. (1994), *Rhetoric in Popular Culture*, St. Martin's Press, NY, USA.
8. Arnold, I.V. (2010), *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'* [Semantics. Stylistics. Intertextuality], 2nd ed., LIBROKOM, Moscow, RUS.
9. Efimenko, T.N. (2019), "Realization of influencing function in socio-political discourse", *Philology. Theory & Practice*, vol. 12, iss. 12, pp. 321–325. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.65>.
10. Nikolaeva, M.N. (2011), "Intertextuality as a reality of language and culture", *Prostranstvo yazyka: lingvisticheskie i metodicheskie real'nosti* [The space of language: linguistic and methodological realities], VIGU, Vladimir, RUS, pp. 22–27.
11. Kuleshova, A.V. (2014), "Citation as a key element of "somebody else's word" in French print media", *MCU J. of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, no. 4 (16), pp. 62–68.
12. Moskvina, V.P. (2011), *Intertekstual'nost': ponyatiinyi apparat, figury, zhanry, stili* [Intertextuality: conceptual apparatus, figures, genres, styles], 2nd ed., LIBROKOM, Moscow, RUS.
13. Safire, W. (2001), "New day of infamy", *Newsweek*, Sept. 12, p. 15.
14. Dampf, A. (2008), "Italy's Materazzi still seeking respect", *USA TODAY*, June 6, p. 15.
15. Swanson, B. (2008), "Global warming", *USA TODAY*, Feb. 26, p. 25.
16. Mcguigan, C. (1991), "All's Well That Ends Well", *Newsweek*, May 20, p. 4.
17. Altman, A. (2016), "Silent Partners", *Time*, Oct. 10, pp. 29–32.
18. Zakaria, F. (2005), "Uncle Sam: Jekyll or Hyde", *Newsweek*, June 6, p. 19.
19. Gleib, J.K. (2016), "Why we're addicted to email – and how to fix it", *Time*, Oct. 10, p. 17.

Information about the authors.

Marina N. Nikolaeva – Can. Sci. (Philology, 1995), Docent (2001), Associate Professor at the Department of English Philology, Moscow City University, 4 2nd Selskokhozyaystvenny proezd, Moscow 129226, Russia. The author of 175 scientific publications. Area of expertise: linguistics, media linguistics, cognitive linguistics, English and comparative phraseology.

Olga V. Trunova – Dr. Sci. (Philology, 1995), Professor (1997), Professor at the Department of Russian and Foreign Languages, Russian University of Transport, 9/9, Obraztsova str., Moscow 127994, Russia. The author of 150 scientific publications. Area of expertise: systemic and functional linguistics, information transmission modes in different types of discourse (artistic, scientific, political, journalistic).

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 06.03.2022; adopted after review 07.04.2023; published online 20.11.2023.*